

Россия вновь переживает жестокий кризис. И хотя это именно вновь, а не впервые, в ней все с большим трудом обнаруживаются признаки того действенного иммунитета, который бы дал ей силы противостоять агрессии, угрожающей на сей раз самым глубинным корням ее исконного бытия.

Во все более широких кругах общественности растет понимание, что причина кризиса коренится в духовной сфере, в частности в порочности главного и неизменного по сей день философского принципа нашей государственной идеологии: первичности материального и вторичности духовного принципа, отнявшего у людей понятие греха, веры, уничтожившего у многих совесть и принесшего неисчислимые беды сотням миллионам людей.

Из этого понимания воскресает, как платоновское воспоминание, идея живого Бога и с ней интерес к религии, к христианству, к Православию. Все это свидетельствует о том, что мы вновь, как и 100, и 200, и 300 лет назад, оказываемся живыми участниками борьбы не с плотью и кровью, но с духами злобы поднебесной (Еф. 6,12), на этот раз намеревающимися уже окончательно сломить Россию.

Оптинский старец Макарий в одном из своих писем писал: «Сердце обливается кровью при рассуждении Вашем о любезном Отечестве, России, нашей матушке; куда она мчится, чего ищет, чего ожидает? Просвещение возвышается, но мнимое; оно обманывает себя в своей надежде; юное поколение питается не млеком учения святой нашей Православной Церкви, а каким-то иноземным, мутным, ядовитым заражается духом, и долго ли это продолжится?»

Старец не ведал, что это не только продолжится, но и приведет к тому, что Православная Церковь станет вообще вне закона, а любезное Отечество, Россия, наша матушка, станет местом небывалой во всей истории человечества и ни с чем не сравнимой по своим масштабам сатанинской гекатомбы.

Но и эти времена меняются.

Феномен т. н. перестройки в нашей стране и странах Восточной Европы оказался самым большим и восклицательным, и одновременно вопросительным знаком для всего мира. Позитивное и негативное здесь не только рядом, но и находятся в какой-то странной связи друг с другом. Конечно, далеко не всем и тем более не все открылось и вообще едва ли когда откроется, поскольку достаточно тех власть имущих, которые боятся света (Ин. 3.20). Но тем не менее в России благодаря перестройке,

С ОДНОЙ СТОРОНЫ,

все узнали об ужасах революционных и послереволюционных лет и десятилетий, о

действительном состоянии государства. Отсюда все глубже и острее начинает осознаваться сколь простая, столь же и безусловная истина: народ, не осознавший причин бывших своих бедствий, не избегнет будущих. Постепенно спадает с глаз пелена и взор русского человека начинает видеть, что атеизм с его циничным призывом: «Верь, человек, что тебя ожидает вечная смерть» — есть не что иное, как открытая диверсия против человека, как идеология глубочайшего отчаяния, бессмыслицы и смерти прежде смерти; начинает видеть, что человек это не компьютер и не обезьяна, которой достаточно «хлеба и зрелищ», но существо высшего порядка.

На Руси вновь начинает открываться лик Христов, и все большее число русских людей убеждается в том, что мы, как говорил Достоевский, русские в той мере, в какой мы — православные.

Пробуждению и развитию этого, можно сказать, нового сознания в большой степени способствует новая по отношению к Церкви политика государственной власти. Из весьма многочисленных фактов достаточно указать хотя бы на буквально лавинное открытие православных приходов, монастырей, новых семинарий и различных духовных училищ и школ, издание церковных, религиозных, религиозно-философских журналов, книг, газет, «листочков» и т. п.

Эту свежую, тонизирующую струю, пробудившуюся в духовной жизни России, для многих еще непонятную, для большинства неожиданную, удивительно точно выразил... Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя»: «Неожиданного (впрочем, далеко не для всех), — писал он, — было то, что народ не забыл свою великую идею, свое «православное дело» — не забыл в течение рабства, мрачного невежества, а в последнее время — гнусного разврата, материализма, жидовства и сивухи... Даже, может быть, и ничему не верующие поняли теперь у нас, наконец, что значит, в сущности, для русского народа его Православие и «православное дело». ...Что это именно есть прогресс человеческий всеочеловечивание человеческое, так именно понимаемое русским народом, ведущим все от Христа, воплощающим все будущее свое во Христе и во Христовой истине и немогущим и представить себя без Христа».

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

— самую острую боль вызывает то многое, что совершается в России по отношению к России. Как известно, древо узнается по плодам.

Свобода двулика. Отрицательной ее стороной (произволом) и пользуются те, у которых в сокровищнице сердца хранится злое (Мф. 12,35). Они разрушают Россию. При этом особенно отчетливо просматриваются два принципа, последовательно проводимые в жизнь: «Разделяй и властвуй» и «Разнуздать, чтобы взнуздать». Хорошо известна мысль, что нет такой доброй вещи, которую нельзя было бы извратить. Так вот и «свободой» и разделяют, и разнуздывают, и взнуздывают Россию, все русское. Почему и зачем?

Во-первых, Россия всегда была предметом глубокой неприязни со стороны всех антихристианских сил, справедливо усматривающих в ней самую большую твердыню наиболее чистой веры Христовой — Православия. Даже «в западных вероисповеданиях, — замечает Хомяков, — лежит глубокая неприязнь к восточной Церкви», вызванная, конечно, незнанием Православия. Во-вторых, как писал святитель Игнатий Брянчанинов: «Европейские народы всегда завидовали России, старались делать ей зло. Естественно,

что и на будущее время они будут следовать той же системе».

И сейчас в конце XX века, несмотря на великое оскудение на Руси и веры, и богатства, даже остающееся в ней оказывается еще достаточным для прежнего отношения. Об этом свидетельствуют хотя бы следующие слова первоиерарха Русской Зарубежной Церкви митрополита Виталия, сказанные в интервью «Литературной России» по вопросу возможного возрождения России. «Будут брошены, — заявил он, — все силы, миллиарды золота, лишь бы погасить пламя Русского Возрождения. Вот перед чем стоит сейчас Россия. Это почище Наполеона, Гитлера...»

Не имея никакого желания приводить здесь те совершенно возмутительные, несуразные обвинения русского народа и оскорбления в его адрес, которые в изобилии появляются в этой прессе, приведем оценку создавшейся ситуации в стране нашими известнейшими современниками.

Михаил Лобанов: «Кто только и в чем только не обвиняет Россию, русский народ... Абсолютно господствующая у нас леворадикальная пресса типа журнала «Огонек» за короткий срок «гласности» и «плюрализма» устроила для массового сознания поистине духовный Чернобыль. Выжжено все здоровое прошлое. Человек с богатейшей тысячелетней историей оказался на голом месте... Мы оказались ограбленными до дна, буквально во всем — от духа до земли, от быта до культуры».

А. Солженицын: «Россия измучена преступлениями, грабежами национального достояния в миллиарды и миллиарды долларов — не последовало ни одного весомого разоблачения и ни одного гласного суда».

Композитор Г. Свиридов: «Мне надоело поношение России, которое я без конца слышу, читаю, вижу в гнусном телевидении... Мы живем в нездоровом обществе».

Академик М. Лемешев называет «демократический» эксперимент «поруганием России».

Академик Н. Моисеев: «Воспринимаю все происшедшее в моей стране не как кризис, а как катастрофу... Даже когда враг стоял на Волге, даже в самом страшном сне я не мог представить себе Россию в нынешнем состоянии».

ПРИЧИНЫ

Священная история на протяжении всей Библии совершенно недвусмысленно свидетельствует, что отступление народа от правильных религиозных основ жизни: ее главных истин веры, нравственных и духовных устоев, — всегда приводило к трагическим последствиям в жизни общественной и государственной. Такое отступление, как правило, бывает сопряжено с двумя крайностями, выступающими в парадоксальном единстве: с одной стороны, обрядоверия и законничества, с другой — рационализма и неверия. Наиболее яркий пример — совместное отвержение фарисеями (ревностными исполнителями Закона, т. е. на современном языке — «самыми православными») и саддукеями («обновленцами») пришедшего Христа, чаемого всю историю Израиля, и как следствие этого — разгром и рассеяние народа еврейского в 70 году.

Подобная же ситуация повторилась в России в XVII веке, самым ярким выражением которой стал Раскол. И здесь форма и скепсис победили дух, и в результате на престол воссел «первый большевик», открывший эпоху лукавого, а затем и открытого попрания веры православной. Это попрание внешнее было закономерным следствием происходящего в сфере духовной, внутренней.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) в середине прошлого века прямо говорил известному англиканскому деятелю Пальмеру: «Россия, пожалуй, находится недалеко от взрыва в ней еретического либерализма. У нас есть хорошая внешность: мы сохранили все обряды и символ первобытной Церкви; но все это мертвое тело, в нем мало жизни». В настоящий момент возрождение Православия также часто усматривается в сохранении символа и преумножении обрядов, в количестве (храмов, монастырей, земель, школ...) без приоритетного внимания к качеству — заветам Священного Предания; в возвращении к дореволюционному *внешнему* состоянию Церкви, без осмысления духовных причин того, почему

Божиим

промыслом

все

оно было разрушено, осквернено? Следовательно, должно быть, они уже проявляются (и это, естественно, только начало), и соответствующие последствия.

Поэтому оставление народом русским существа веры, то есть совести, любви к Богу и ближнему, покаяния в своих грехах и подмена ее формой, обрядом, т. н. благолепием, неминуемо еще более трагически отразится на всей его внешней, культурной и материальной стороне жизни, на состоянии государства Российского. В некоторых народах закон взаимосвязи духа и хлеба насущного действует иначе, по крайней мере не столь прямолинейно и однозначно. На Руси же — как в ветхозаветном Израиле: чем грешнее, тем беднее. Но это является и великим знамением еще остающегося здорового духа в нашем народе: ведь лечат живых, а не мертвых.

Надежды

Что еще сохраняет и может сохранить Россию? Без сомнения, *во-первых*, вера православная, а следовательно, необходимость и всенародного *возвращения умом и сердцем к тем духовным основам жизни, которыми жили наши святые (а не все вообще) предки,*

как это уже многократно имело место в ее истории;

во-вторых,

еще остающиеся на ее бескрайних просторах более чем «десять праведников» (см.: Быт. 18,32).

В вопросе о путях жизни и развития России западники не предложили ничего нового по сравнению с тем, что они видели в Европе. Такая же завороченность Западом, нескритичность к нему и какая-то медиумическая неразборчивость в восприятии всего того, что идет «оттуда», а главное, полное нечувствие пороков духовной стороны западной жизни характеризует и современных западников.

Мысль действительно оригинальную, самобытную и глубокую находим, напротив, у тех, кто остался в истории под именем славянофилов. Одним из важнейших пунктов, в котором они видели принципиальное различие между Востоком и Западом, Церковью Православною и западными конфессиями, пунктом, определившим специфику всего политического, экономического и культурного развития России и Запада, является ярко

проявивший себя в различном характере образованности вопрос о приоритете веры или разума (рассудка) в жизни человека и общества.

Утверждение на Западе образованности, в которой рассудок выступает в качестве верховного и непогрешимого судьи во всех вопросах веры и жизни, привело, по убеждению славянофилов, к охлаждению там живого религиозного чувства, безразличию к вере и полному неверию, к материализму и эгоизму, то есть к уничтожению главного в христианстве — любви, а следовательно, и потере Бога как в душе, так и в общественной жизни. Этой «образованностью» в первую очередь опасен Запад для России — а не своими научными, техническими и культурными достижениями. Ибо такая образованность принципиально противостоит образованности древнерусской, состоящей в воспитании в первую очередь духовной цельности человека на основе веры и жизни православной. Об этом особенно много и убедительно пишут А. С. Хомяков и И.В. Киреевский.

Жизнь народа и его будущее зависит от правильности его мыслей, то есть от правильного состояния и направления его ума. Отсюда первостепенную значимость приобретает вопрос — что считать нормой и как приобретается она умом? Запад и Восток, оказывается, понимают это весьма различно. Киреевский пишет, что, «стремясь к истине умозрения, восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутреннего состояния мыслящего духа; западные — более о внешней связи понятий. Восточные для достижения полноты истины ищут внутренней цельности разума... Западные, напротив того, полагают, что достижение полной истины возможно и для разделившихся сил ума... Бесчувственный холод рассуждения и крайнее увлечение сердечных движений почитают они равно законными состояниями человека» (Критика и эстетика»).

В том и заключается, по убеждению Киреевского, огромное преимущество России перед Западом, что «учения святых отцов Православной Церкви перешли в Россию, можно сказать, вместе с первым благовестом христианского колокола. Под их руководством сложился и воспитался коренной русский ум, лежащий в основе русского быта...» (Там же).

Замечательно точно вскрывает Киреевский и сами духовные основы, на которых строятся эти два несводимых друг к другу типа жизни. Православие не мыслит истинной духовной и, следовательно, правильной человеческой жизни без смирения, то есть в данном случае понимания и прочувствования не только своей нравственной и духовной неполноценности, но и невозможности одними своими силами стать настоящим, святым человеком. Человек без смирения, кичащийся собой, своим разумом — не созидатель, а разрушитель духовной жизни и собственной, и общественной.

В статье «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» Киреевский отвечает и на главный вопрос, волнующий не только его современников, но и нас сегодня. Что нужно, «чтобы действовать благодетельно» для России? Вот как он пишет: «Одного только желаю я: чтобы те начала жизни, которые хранятся в учении святой Православной Церкви, вполне проникнули убеждения всех степеней и сословий наших, чтобы эти высшие начала, господствуя над просвещением европейским и не вытесняя его, но, напротив, обнимая его своею полнотою, дали ему высший смысл и последнее развитие и чтобы та ЦЕЛЬНОСТЬ бытия, которую мы замечаем в древней, была навсегда уделом настоящей и будущей нашей православной России...» «Тогда, вырвавшись из-под гнета рассудочных систем европейского любомудрия, русский

образованный человек в глубине особенного, недоступного для западных понятий, живого, цельного умозрения святых отцов Церкви найдет самые полные ответы именно на те вопросы ума и сердца, которые всего более тревожат душу, обманутую последними результатами западного самосознания. А в прежней жизни Отечества своего он найдет возможность понять развитие другой образованности... Тогда жизнь общественная в России утвердится в направлении, отличном от того, какое может ей сообщить образованность западная».

Основным же источником этой жизни является невидимая духовная борьба, совершающаяся на началах Евангелия, святоотеческого Предания Церкви, ибо, как справедливо писал Киреевский, «каждая нравственная победа в тайне одной христианской души есть уже духовное торжество для всего христианского мира» — есть, прибавим, созидание того духовного единства, которого так мало у нас осталось и которое только может дать силы русскому народу выйти победителем в последней брани. «Никто и ничто, — говорил святой Патриарх Всероссийский Тихон, — не спасет Россию от нестроений и разрухи, пока правосудный Господь не преложит гнева Своего на милосердие, пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв, а через то не возродится духовно «в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости истины» (Еф. 4, 24).

**Алексей Ильич ОСИПОВ,
профессор Московской Духовной академии**

Статья напечатана в журнале "Русский дом" № 4 и 5 за 1999 год.